

ISSN 2077-3579 (Print)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 821.161.1-821.411.21
EDN SOSPLU

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

«АРАБСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД» В ПОЭЗИИ Н. ГУМИЛЁВА

Т. И. Акимова✉, К. Х. И. Ибрагим

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарева,

Саранск, Россия

✉akimova_ti@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность рассмотрения «арабского культурного кода» в поэзии Н. Гумилёва обусловлена как личными симпатиями поэта к путешествиям по странам арабского мира, так и общей тенденцией увлечения поэтическим Востоком представителей серебряного века, стремящихся расширить границы художественной образности, обогатить русскую литературу новой тематикой и стиховедческой практикой.

Материалы и методы. Материалом для статьи послужили два собрания сочинений Н. Гумилёва 1991 (перепечатка вашингтонского издания 1962 г.) и 1998 — 2007 гг. В работе использованы следующие методы: сравнительно-исторический, биографический, структурный, культурно-исторический и метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение сборников стихотворений Н. Гумилёва сквозь призму «арабского культурного кода» позволило выявить авторскую направленность на определяемые западным сообществом «нецивилизованные цивилизации», получившие в классификации Ф. Ницше статус «дионисийства». Описание структуры «арабского культурного кода» в поэзии Гумилёва привело к вычленению уровней, состоящих из образов, вызванных как личными впечатлениями автора от посещения стран Азии и Африки, так и разными традициями (средневековой арабской поэзии, поэзии периода принятия ислама, а также современной). Центральным смысловым ядром «арабского культурного кода» предстает поиск лирическим героем духовного совершенствования и идеальной возлюбленной, периферией — экзотический топос, сформированный и из географических особенностей обитания арабских жителей — бедуинов и феллахов, — и из исторических параллелей, отсылающих либо к периоду правления царицы Клеопатры, либо султана Гассана, либо времени жизни Хафиза.

Заключение. Полученные в ходе исследования выводы позволяют дополнить представление об «арабском культурном коде» в поэзии серебряного века, увидеть меняющееся отношение Н. Гумилёва к арабскому Востоку, определить специфику его авторских точек зрения, указывающих на установление межкультурного диалога, рассмотреть особенность русско-арабских связей на рубеже конца XIX — начала XX в.

© Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И., 2024

Ключевые слова: «арабский культурный код», творчество Н. Гумилёва, русско-арабские связи, восточные мотивы и образы, экзотический топос

Для цитирования: Акимова Т. И., Ибрагим К. Х. И. «Арабский культурный код» в поэзии Н. Гумилёва // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 3. С. 185 — 195. EDN SOSPLU

Original article

“ARAB CULTURAL CODE” IN POETRY BY N. GUMILYOV

T. I. Akimova✉, K. H. I. Ibrahim

National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia

✉akimova_ti@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the consideration of the “Arab cultural code” in the poetry of N. Gumilyov is due to both the poet’s personal sympathies for traveling around the countries of the Arab world and the general trend of passion for the poetic East for representatives of the Silver Age, seeking to expand the boundaries of artistic imagery, enrich Russian literature with new themes and poetry practice.

Materials and methods. The material for the article was two collections of works by N. Gumilyov 1991 (reprint of the Washington edition of 1962) and 1998 — 2007. The following methods were used in the work: comparative historical, biographical, structural, cultural and historical and the method of holistic analysis of the work of art.

Results and discussion. Study of collections of poems by N. Gumilyov through the prism of the “Arab cultural code” made it possible to reveal its structure, consisting of both book images and personal impressions of visiting Asian and African countries, focused both on the traditions of medieval Arabic poetry and the period of the adoption of Islam, and absorbing the details of modernity. The central semantic core of the “Arab cultural code” is the lyrical hero’s search for spiritual perfection and an ideal lover, the periphery is an exotic topos, consisting of geographical features of the habitat of Arab inhabitants — Bedouins and Fellahs — and historical parallels, referring either to the reign of Queen Cleopatra, or Sultan Ghassan, or the life of Hafiz.

Conclusion. The conclusions obtained during the study make it possible to supplement the idea of the “Arab cultural code” in the poetry of the Silver Age, to see N. Gumilyov’s changing attitude towards the Arab East, to determine the specifics of his author’s points of view indicating the establishment of intercultural dialogue, to consider the peculiarity of Russian-Arab relations at the turn of the late XIX — early XX centuries.

Keywords: “Arab cultural code”, the work of N. Gumilyov, Russian-Arab ties, oriental motives and images, exotic topos

For citation: Akimova TI, Ibrahim KHI. «Arab Cultural Code» in the Poetry by N. Gumilyov. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(3):185—195. EDN SOSPLU

Введение

Поэтическое наследие Н. Гумилёва, безусловно, — одно из наивысших достижений культуры серебряного века, в которой диалогизм стал главным признаком состоятельности любого искусства, прежде всего художественного слова. Вступая в литературный диалог с представителями разных культур, поэт утверждал ученичество не только как необходимость личностного самораскрытия, но и как важный

фактор развития поэзии, открой для разного рода творческих экспериментов, и для переосмысления предшествующей традиции. Многогранная арабская литература с ее глубинными пластами художественной образности предоставляла русскому писателю возможность не столько расширять границы поэтического мира, как это делали символисты, сколько уделять особое внимание самой литературной пластике, совершенствовать форму отечественной словесности. Символисты и акмеисты находили в азиатско-африканской литературе созвучное только себе, поэтому важность изучения собственно гумилевского отношения к арабской поэзии обуславливает актуальность данной работы, проведение которой позволит выявить «арабский код» в творчестве Гумилёва и обозначить специфику акмеистической рефлексии арабской художественной образности.

Обзор литературы

Тяготение поэта к экзотике с арабским уклоном отмечалось уже в первых рецензиях на поэтические сборники Н. Гумилёва. Так, В. Брюсов в отклике на «Путь конкистадоров» (1905) выделил эпиграф из А. Жида об образе кочевника и сам образ лирического героя, представшего под маской конкистадора, которые ассоциировались с арабским контекстом, хорошо знакомым «мэтру» московской школы символизма, а в рецензии на сборник «Романтические цветы» (1908) он указал на любовь поэта к экзотическим образам, за которыми проявляется «юг с его пышной пестротой»¹.

Это же стремление к красоте «тропических эффектов» создателя «Романтических цветов» подчеркнул и другой наставник Н. Гумилёва, И. Анненский, указывающий на парижский отсвет в нарисованных поэтом экзотических картинах, имеющих к тому же inferнальный след. Знакомый с автобиографическим подтекстом стихов своего ученика, Анненский заставлял его прочувствовать по-настоящему получившийся пока еще бутафорским «ассирийский роман».

В сравнительно пространной рецензии на «Романтические цветы» А. Я. Левинсон также доказывал тезис о французских источниках экзотических стихов Гумилёва, в которых отсутствует та органическая связь со «сказочным миром Востока», наблюдающаяся у воспевающих либо свою родину, либо далеких предков поэтов-парнасцев. Русский поэт, по мнению критика, синтезировал мотивы и образы романтической французской поэзии с найденными В. Брюсовым и К. Бальмонтом эквивалентами отечественной версификации. На необходимость запечатлевать разной поэтической формой творения, посвященные Риму, и стихи, описывающие озеро Чад, обратил внимание В. В. Гофман, еще один строгий критик «Романтических цветов», тем самым направляя автора в область более тщательного изучения литературы Востока, в том числе и арабской.

О следующей книге стихов Н. Гумилёва «Жемчуга» (1910) поэты-символисты, с одной стороны, свидетельствовали о формальном совершенствовании его поэзии (В. Брюсов), с другой стороны, отмечали особое изображение поэтом экзотического мира (Вяч. Иванов), в котором смешивается мечта и жизнь настолько, «что совер-

¹ Н. С. Гумилёв: Pro et contra: Личность и тв-во Н. Гумилёва в оценке рус. мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2000. С. 346 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

шенное им одинокое путешествие за парой леопардовых шкур в Африку немногим отличается от задуманного — в Китай...» (с. 364), и, следовательно, представители символистского течения отмежевывались от способов гумилевского воссоздания поэтической реальности, в которой такое большое место заняла восточная сказка. Исследуя экзотическую романтику «Жемчугов», критики по-прежнему указывали на желание автора устремляться в далекие солнечные страны (с. 379) и рисовать восточного человека (с. 381), помещенного в сказочное пространство.

«Чужое небо» (1912) оценивалось критиками как книга стихов, продолжающая восточную линию (с. 384) и по форме и по содержанию, а «Колчан» (1916) рассматривался как поэтический сборник, в котором лирический герой предается поиску духовного пути, а война изображается «как мистерия духа» (с. 431), близкая по звучанию в арабском мире. М. М. Тумповская писала: «Иногда, становясь для нас наследием романтики, его поэзия своим героем делает мир, а вот моря, корабли и храмы становятся в них драматически действующими лицами» (с. 443). На связь в «Колчане» между земным миром и ратным делом указывал Г. И. Чулков в статье с красноречивым названием «Поэт-воин», доказывая утверждение об обращенности автора к древним культурам, для которых готовность к войне была естественным законом защиты своего народа. А. Я. Левинсон в рецензии на сборник «Костер» (1918) говорит об арабских и африканских образах и мотивах поэзии Гумилёва как о творческой новизне (с. 459) и блистательности решаемой автором задачи напомнить читателям о назначении поэта.

Последующие за критическими отзывами статьи 1920-х гг. также содержат высказывания о восточном колорите поэзии Гумилёва с его «знойными тканями песков», образом Египта в божественном лунном свете и с его эпосом Ассириававилонии (с. 493), но вся эта экзотика нужна поэту лишь для усиления патриотической темы, возвращения к родным берегам. По замечанию Ю. Верховского, от экзотических картин первых поэтических сборников Гумилёв переходит к тонкой стилизации восточной поэзии, к той, которая «напоминает нам чувственно-красочную и вместе с тем проникнутую, насыщенную действенной духовностью поэзию Хафиза» (с. 533). На успешную стилизацию арабско-персидского Востока указывал в 1964 г. видный литературовед русского зарубежья Г. Струве, подчеркивая умелое использование Гумилёвым жанра пантуна и демонстрацию «прелестного легкого стиха», а также подачу изящной эротической линии (с. 573).

В четвертом номере парижской «Беседы» за 1984 г. Е. Вагин обратил внимание на поиск Гумилёвым соответствий русской культуре африканским, на установление поэтом своеобразного поэтического диалога с землями дальних странствий, в которых яснее проступают не столько этнографические, сколько религиозные мотивы, когда, сталкиваясь с чужими культурами и верованиями, вдруг обнаруживается тесная связь лирического героя с православием, приходит понимание собственного кредо.

В 90-е гг. XX в. началось активное освоение гумилевской поэзии на Родине, в числе первых исследователей выступили Ю. Зобнин и С. Слободнюк. Так, С. Л. Слободнюк в монографии «Н. С. Гумилёв: проблемы мировоззрения и поэтики» представил ценные сведения об использовании поэтом арабских источников, прежде всего, это «Моаллаки» Имру-уль-Кайса, заявленные в работе А. Е. Крымского

«Арабская литература в очерках и образцах» (1911), а также прозаический перевод песни Насири-Хосрова, выполненный востоковедом-иранистом В. А. Жуковским в 1869 г. Вывод С. Л. Слободнюка после сопоставления найденных источников позволяет констатировать «блестящее мастерство» Н. Гумилёва как поэта и переводчика [7, с. 157].

В книге известного африканиста А. Давидсона «Муза дальних странствий» главным предметом рассмотрения выступает тема «Гумилёв и Африка». По мнению исследователя, именно посещение Египта становится исходной точкой в мечте поэта отправиться в другие страны африканского континента [1], именно там он излечивается от суицидальных мыслей, преследующих его в Париже после очередного отказа Ахматовой от предложения руки и сердца. Именно там поэта настигает понимание, что его привлекает не культура холодного Рима, а жаркий колорит пустынных стран. В 1995 г. российский читатель знакомится с работой современника Н. Гумилёва Н. Оцуа (участник третьего «Цеха поэтов»), в которой разбираются африканские стихи «Шатра» с точки зрения той системы, которую автор разработал будучи сотрудником «Аполлона» и рецензируя сочинения других поэтов в разделе журнала «Письма о русской поэзии». Н. Оцуа отмечает тщательную работу Гумилёва над формой стихов, поскольку «они как бы нарочно наивны, отражают восторженное удивление тайнами природы» [3, с. 83], а выбранный поэтом анапест свидетельствует о дополнительном значении стиховедческого усердия над темой — Африка должна выражаться звонкими и сильными интонациями.

В XXI в. было защищено много диссертаций, посвященных изучению поэзии серебряного века, в том числе и творчества Н. Гумилёва. Среди них следует назвать те, которые так или иначе затрагивают тему Востока в художественном сознании поэта, например: «Своеобразие поэтического „Востока“ в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилёв, В. Хлебников» Е. А. Концовой [2], «Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилёва» Е. Ю. Раскиной [5], «Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века» Е. А. Чач [8], «Геокультурный образ Северной Африки в русской литературе путешествий конца XIX — начала XX веков» Мулахи Самиха [6].

Материалы и методы

Материалом исследования послужили поэтические произведения сочинений Н. Гумилёва. В работе использованы следующие методы: сравнительно-исторический, биографический, структурный, культурно-исторический и метод целостного анализа художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Причинами обращения Н. Гумилёва к теме арабского Востока в поэзии можно назвать следующие: 1) рассказы отца о плавании по средиземному морю на фрегате «Пересвет» и посещении им как турецко-сирийской (на тот момент) Яффе, так и египетской Александрии [4, с. 15 —16]; 2) переезд на три года (1900 — 1902) гимназиста Гумилёва в Тифлис, в котором жили в том числе и арабы; 3) знакомство с парнасскими поэтами во Франции (1906), многие из которых бывали в арабских странах; 4) первая поездка Гумилёва в Египет (1907); 5) серьезное увлечение поэта Северной Африкой после второй поездки (1910) и организация научной экспедиции в Абиссинию в 1913 г.

Ко всему перечисленному следует добавить чтение сказок «Тысячи и одной ночи», стихотворений Хафиза и изучение многочисленной научной литературы об арабской поэзии. Скорее всего, горизонт поэтического видения как средневековой культуры арабов, так и периода принятия ислама был гораздо шире, но даже перечисленного, полагаем, достаточно для того, чтобы обосновать тему арабского Востока значимой для творчества Н. Гумилёва, которое подвергается анализу через «арабский культурный код».

Понятие «культурный код», введенное структуралистами еще в 1960-е гг., прежде всего Р. Бартом, должно было объяснять отражение в авторском тексте того или иного феномена культуры без точного воспроизведения источника, — это и сфера бессознательного, и интенциональность создателя текста, порой без ее рефлексии. Обращаясь к этому понятию на этапе постструктурализма, Ю. М. Лотман понимал под «культурным кодом» не остаточный смысл других культур, присутствующих в знаковой природе текста, а момент стыка двух культур, в диалоге («взрыве», по лотмановской терминологии), рождающий общий смысл. В настоящее время это понятие используется, как правило, семиотиками и культурологами, однако именно изучение литературы рубежа XIX — XX вв. сквозь призму «культурного кода» дает возможность литературоведам выявить в произведении разные пласты межкультурных взаимодействий.

Арабская литература по своей специфике многослойная, состоящая из многих культурных напластований, в связи с этим в творчестве Гумилёва выявлены разные хронологические и географические ориентиры, имеющие отношение к «арабскому культурному коду»: средневековая арабская поэзия, исламские образы и мотивы, современный автору североафриканский или только опосредованно имеющий влияние на африканские культуры арабский мир.

В зависимости от этого «арабский культурный код» в поэзии Гумилёва разбивается на многочисленные составляющие. В первый пласт входят визуальные картины арабской флоры и фауны, образы бедуина-кочевника и феллаха-крестьянина, а также образ восточной красавицы (царицы или обычной африканской девушки, неизменно изображенный сквозь магический кристалл арабо-персидской поэзии). Второй пласт — духовно-религиозный, состоящий из отсылок к образу Аллаха, Магомета, а также доисламский и суфийский, навеянный чтением Гумилёвым Корана и научных исследований по Исламу. Третий пласт — собственно диалог двух культур, когда в поэтических полотнах соседствуют русские и арабские образы.

Следует отметить, что в ранних стихах Н. Гумилёва образ кочевника отличается от представленного в поэзии символистов. Если, например, в поэзии В. Брюсова «арабский всадник» олицетворяет собой агрессию и тревогу, которую он может принести другим народам, то Гумилёв изначально представляет образ бедуина изнутри — не через реакцию опасности, которая возникает у оседлых жителей, а через внутреннее состояние воина — «величавого араба»² («Озеро Чад»).

² Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902 — 1910). М., 1998. С. 158 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

Гумилёвский кочевник, участвуя в походе, видит вокруг себя только прекрасное, поэтому кажущаяся цель его пути — любовь прекраснейшей из женщин. Лирический герой сборников «Путь конкистадора» и «Романтический цветок» кочует, но посещение им Каира («Зараза») или Багдада («Орел Синдбада») посвящено усилению силы духа, они — не конечные точки странствия, а лишь опорные пункты на его пути: «Мои мечты лишь вечному покорны» (1998, т. 2, с. 146).

Образы и мотивы ужасного, несущего смерть в стихотворениях Н. Гумилёва вызываются дикой природой пустыни. Этот взгляд на окружающее пространство свойственен не бесстрашным кочевникам-воинам, а «хмурым феллахам» (Там же, с. 134), вынужденным выживать в очень тяжелых погодных условиях. Взгляд поэта устремлен именно на этот окружающий мир, состоящий из диких животных, птиц и экзотических растений. Жираф, носорог, ягуар тесно связаны с сознанием, в котором четко отложилось пребывание в теле животного: «Превращен внезапно в ягуара»³. Женщины избираются в жертвы животным, однако принимают эту участь с восторгом («Невеста льва»).

Пейзаж на поэтических полотнах Гумилёва изображается контрастными красками, преобладает темный, лунный и красный цвета. Видимо, ночная пустыня вызывала у автора более сильные эмоции, чем ее солнечные виды, но есть и картины, воссоздающие природу при свете дня, и тогда появляются «золотистый песок», лазурь, оттенки розового: «Рожи пальм и заросли алоэ, / серебристо-матовый ручей, / небо, бесконечно-голубое, / Небо, золотое от лучей (1991, т. 1, с. 133).

При всей живописности флоры и фауны песков больше всего поэта интересует загадочная женская душа, способная причинять боль, не сопоставимую с ранением в битве или укусом животного. Взаимоотношения лирического героя и женщины — это, как правило, центральный мотив многих поэтических сборников Н. Гумилёва, особенно ранних, при этом образ девушки / царицы подавался сквозь призму лунного света или сравнивался с луной (1998, т. 2, с. 60). Другой женский образ, противоположный первому, — «девы-жрицы с эбеновой кожей» (1991, т. 1, с. 79), т. е. смуглой на солнце, но с чистой и непорочной душой.

Описание прелестей девы в стихотворении «Сады души» Гумилёва вполне сопоставимо с женскими портретами, нарисованными поэтическими красками арабскими мастерами. Вначале описываются глаза, которые сравниваются поэтом с отблеском «чистой серой стали», затем взор переходит на лоб, который оказывается «белей восточных лилий», и губы, которые «никого не целовали и никогда ни с кем не говорили» (Там же, с. 73). Обязательный в восточной поэзии элемент — сравнение с драгоценными камнями — у Гумилёва встречается в описании щек («розоватый жемчуг юга») и рук девы («что ласкали лишь друг друга, / Переплетясь в молитвенном экстазе») (Там же, с. 74).

Сравним со стихотворением Омара Ибн Аби Рабиа: «...Я увидел глаза и точечную шею газелью. / <...> В полумраке сверкали жемчужины, бусы, подвески. / <...> Ее кожа бела, и налет золотистый на коже. / Сладки губы девичьи, на финик созрев-

³ Гумилёв Н. С. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 69 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

ший похожи»⁴; или со строками Башшара Ибн Бурда: «Ее кожа нежна, как тончайший атлас, / И сияет она, белизною лучась. / <...> Ее зубы — что ряд жемчугов дорогих, / Ее груди — два спелых граната тугих, / Ее пальцы, — на свете подобных им нет! — / Как травинки, впитавшие росный рассвет» (1975, с. 255).

Особая страница гумилевской поэзии — стихи, посвященные образам Ислама. Они появляются уже в акмеистических сборниках поэта, т. е., начиная с «Чужого неба», когда диалог с «чужим сознанием» и призывы обратить внимание на мировую литературу, а не только на западную, станут обязательными элементами нового художественного течения, провозглашенного Гумилёвым.

Так, в стихотворении «Паломник» дан образ старика Ахмет-Аглы, направляющегося в Мекку по призыву Аллаха, и, несмотря на преклонные годы и сложность длительного пути, поэт вселяет надежду в лирического героя, которого «в свои объятия примет Азраил»: «Все, что свершить возможно человеку, / Он совершил — и он увидит Меккку» (1991, с. 174). В стихотворении «Ослепительное» нарисован образ властительного Багдада и яростно сражавшегося за свои права с турецкими оккупантами в начале XX в. Леванте.

В стихотворении «Ислам» представлен образ эффенди, возмущенного непочтением к «черному камню Кабы» — важной святыни мусульман, но осознающего греховность и великую удаленность паломников Меккы от рая⁵. Согласно легенде, белый камень, принесенный из рая, окрасился в черный цвет из-за людских грехов. Эта святыня связана с пророком Мухаммедом и входит в ритуал хаджа. Как будто продолжая мысль о необходимости ритуалов в жизни человека, Гумилёв в произведении «Эзбекие» представил образ чудесного сада, исцелившего лирического героя от суицидальной мысли вследствие отказа возлюбленной. Именно в этом Каирском саду происходит обращение лирического героя к Богу, и через десять лет он делает то же самое, чтобы признаться в исполнении обета никогда не предаваться мысли о легкой смерти⁶.

Стихотворение «Пьяный дервиш» — пример обращения поэта к суфийским мотивам и образам⁷, тесно связанным с исламом. Так, по мнению арабского исследователя Хишама Мохамеда Махмуда, стихотворение Н. Гумилёва отсылает сразу к двум суфийским понятиям: к страждущим идти к абсолютной истине (Богу) и к самому состоянию этого тяготения к истине [9].

Ряд стихотворений об африканском континенте нашел отражение в сборнике «Шатер», в котором особое место отведено образу Египта. Прежде всего лирического героя покоряет специфический пейзаж — оазис в пустынном пространстве («изумрудные равнины и раскидистых пальм веера»), который дополняется истори-

⁴ Арабская поэзия средних веков. М., 1975. С. 212 — 213. (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года и страницы).

⁵ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы (1910 — 1913). М., 1998. С. 150.

⁶ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914 — 1918). М., 1999. С. 162.

⁷ Гумилёв Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918 — 1921). М., 2001. С. 102.

ческими памятниками — черными и страшными пирамидами, улыбающимся сфинксом, а также легендами о Клеопатре и Антонии⁸. Далее все это сменяется видом Египта периода жизни султана Гассана, построившего высокую мечеть и читавшего Коран. Следующий образ — Египет поэтический, ютящийся в кафе Каира, где авторы читают свои стихи, «развалившись на мягкой софе, / пред кальяном и огненным кофе» (1991, т. 2, с. 76). Замыкают вереницу египетских образов образы феллахов, возделывающих поля возле священного Нила.

В целом вся панорама создает многогранный образ не только удивительного Египта, но и арабского мира в целом со своим историческим орнаментом, притягательной экзотикой, исламской архитектурой, с особыми традициями феллахов и бедуинов. Погружаясь в глубину культурной жизни арабских крестьян, лирический герой сборника «Шатер» начинает невольно сопоставлять безбрежность золотых песков с сибирскими лесными просторами и приходит к осознанию свершающегося диалога между разными национальностями, учится видеть «близкое» в «чужом».

Эта произошедшая смена поэтического взгляда на арабский Восток с любопытно-отчужденного в ранних стихах на проникновенно-знакомое в поздних позволила Н. Гумилёву не только совершенствоваться в стихотворной технике, но и глубоко проникать в чужой, незнакомый мир культуры для осмысления прежде всего своего «я» и своего Отечества.

Заключение

Выявление «арабского культурного кода» в поэзии Н. Гумилёва в сочетании со сравнительно-историческим и культурно-историческими методами позволило проследить развитие авторской точки зрения на «чужие» культуры Азии и Африки, представить именно те картины арабского мира, которые привлекли русского поэта конца XIX — начала XX в., рассмотреть их структуру, вычленив как смысловое ядро (отношения лирического героя с возлюбленной и его движение по намеченному духовному пути), так и периферию (экзотический топос, состоящий из флоры и фауны арабских регионов). Обращаясь к арабскому Востоку сначала опосредованно через книжный и окололитературный диалог, а потом через непосредственные личные наблюдения в ходе поездок по Азии и Африке, Н. Гумилёв обогатил свое творчество новыми образами и стихотворной техникой, почерпнутой у арабско-персидской поэзии, находил общее, что сближало русскую и африканскую культуры и ярче ощущал специфику отечественного духовного пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давидсон А. Б. Муза странствий Николая Гумилёва. М.: Наука: Изд. фирма «Вост. лит.», 1992. 316 с.
2. Концова Е. А. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилёв, В. Хлебников: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 22 с.
3. Оцуп Н. А. Николай Гумилёв. Жизнь и творчество. СПб.: Logos, 1995. 198 с.
4. Полушин В. Н. Николай Гумилёв: Жизнь расстрелянного поэта. М.: Молодая гвардия, 2006. 751 с.

⁸ Гумилёв Н. С. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1991. Т. 2. С. 74 (далее ссылки на этот источник будут даваться в тексте в круглых скобках с указанием года, тома и страницы).

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 27.06.2024; accepted for publication 04.07.2024.

Information about the authors:

Tatyana I. Akimova, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philological Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>; akimova_ti@mail.ru

Ibrahim Karwan Haji Ibrahim, Graduate Student of the Direction of Training “Russian Literature” of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russia), khaji0033@gmail.com

Contribution of the authors:

Akimova T. I. — concept development, critical analysis and scientific text editing

Ibrahim Karwan Haji Ibrahim — methodology development, data collection and literature analysis, initial article writing.

Conflict of interests: the author declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.